

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт всеобщей истории

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1985

Сборник статей

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Сборник посвящен актуальным проблемам истории социалистических и утопическо-коммунистических идей в Западной Европе и Америке в XVI—XIX вв. Особое внимание обращено на изучение теоретической разработки Энгельсом вопросов, связанных с указанной проблематикой. Ряд статей посвящен истории утопического социализма XIX в. (распространению идей Сен-Симона в России, утопии Т. Сквидмора, социалистическим идеям в чартизме). В сборнике содержатся материалы по историографии утопического социализма, помещен раздел публикаций.

Редакционная коллегия:

Л. С. ЧИКОЛИНИ (ответственный редактор),
В. М. ВОЛОДАРСКИЙ (ответственный секретарь),
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, В. А. МАЛИНИН, Т. А. ПАВЛОВА,
Н. Б. ТЕР-АКОПЯН, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Галкин	Идеи социализма в чартистском движении (конец 40-х — начало 50-х годов XIX в.)	3
А. Э. Штекли	Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу» и вопрос о начале утопического социализма	29
Г. С. Кучеренко	Некоторые сведения об отношении к Сен-Симону и сенсимонистам в России (XIX — начало XX в.)	45
М. Н. Соколова	Сюдр — историк утопического социализма	67
К. Э. Кирова	Итальянские умеренные и французский утопический социализм и коммунизм (30—40-е годы XIX в.)	81
К. М. Андерсон	Томас Сквидмор: отголоски просвещения или ростки американской утопии?	107
В. В. Карева	«Утопия» Томаса Мора в издании М. де Керлона	138
Т. А. Павлова	Идеал человека в произведениях Джерарда Уинстэнли	145
И. Н. Осинковский	«Утопия» Томаса Мора в Англии XVII в.	163
Л. С. Чиколини	«Рассказ о собственных книгах» Кампанеллы	190
В. М. Володарский	Социальная утопия Теофраста Парцельса	211
ПУБЛИКАЦИИ		
Е. М. Кожокин	Из истории утопического социализма во Франции в 30—40-е годы XIX в. Вступ. ст., публ. и пер. с фр.	234
В. Д. Балакин	Из социальной утопии Иоганна Валентина Андреэ Вступ. ст., публ., пер. с латин. и коммент. Комментарии	249 267

Некоторые сведения об отношении к Сен-Симону
и сенсимонистам в России
(XIX—начало XX в.)*

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

В историографии, посвященной Сен-Симону и сенсимонистам, видное место занимают работы о международном значении их деятельности и творчества. Издано несколько серьезных исследований о судьбах сенсимонизма в Англии, Бразилии, Венгрии, Италии, Марокко, Нидерландах, Румынии, США, Швейцарии и Югославии и др.¹ Среди них выделяются монографии Е. М. Батлер, Л. Жигмонда, Р. Пенкхерста и Р. Факкара², а также статьи, опубликованные в специальном выпуске журнала «Экономи э сосьете»³.

Сводные работы по истории русской общественной мысли XIX—начала XX в., книги о наиболее выдающихся ее представителях, некоторые специальные исследования свидетельствуют, что с трудами Сен-Симона и его учеников в той или иной мере были знакомы М. С. Лузин, А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, петрашевцы, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, народники, первые русские марксисты и Г. В. Плеханов⁴.

Эти свидетельства убеждают, что распространение и восприятие сенсимонизма в России—существенная и все еще недостаточно изученная сторона истории русской общественной мысли. Не претендуя на обобщение имеющихся в историографии сведений, мы дополним их некоторыми данными о встрече Лунина и Сен-Симона,

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на IX коллоквиуме советских и французских историков (Париж, 27—30 сентября 1983 г.).

¹ *Walch J.* Bibliographie du saint-simonisme. P., 1967.

² *Butler E. M.* The Saint-Simonian Religion in Germany: A Study of the Young German Movement. N. Y., 1968 (1-е изд.: Cambridge, 1926); *Zsigmond L.* Claude Henri de Saint-Simon: A XIX század politikai gondolkodása történetéből. Bp., 1977 (пер. на фр. яз.); *Pankhurst R.* The Saint-Simonians: Mill and Carlyle: A Preface to Modern Thought. L., 1957; *Fakkar R.* Sociologie, Socialisme et Internationalisme pré-marxiste: L'influence de Saint-Simon. Neuchâtel, 1968.

³ Saint-simonisme et pari pour l'industrie, XIX—XX siècles: Influence à l'étranger.— *Economie et sociétés*, 1970, N 4.

⁴ Библиографию работ русских дореволюционных и советских историков, писавших об этом, см.: *Дунаевский В. А., Кучеренко Г. С.* Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981; см. также: *Гроссман Л.* Пушкин и сен-симонизм.— *Красная новь*, 1936, № 6; *Кислицына Е. Г.* Салтыков-Щедрин и Сен-Симон.— *Изв. АН СССР. Отделение общественных наук*, 1937, вып. IV.

распространении сенсимонизма в нашей стране в 30—40-х годах XIX в., первых русских историографических работах, посвященных Сен-Симону и его последователям, и первых переводах сочинений Сен-Симона на русский язык.

Встреча Лунина и Сен-Симона служит историкам важной вехой для суждений о начале распространения в России идей западноевропейского утопического социализма XIX в. и причастности декабристов к наследию передовых мыслителей Франции. Напомним об обстоятельствах этой встречи и особенностях источника, из которого мы о ней знаем.

В конце 1816 — начале 1817 г. в Париже баронесса Лидия Роже принимала М. С. Лунина, знаменитого впоследствии русского декабриста, и его друга Ипполита Оже, ставшего со временем видным французским литератором. Вместе с Оже Лунин, принятый весной 1816 г. в члены «Союза спасения», покинул 10 сентября того же года Россию, провел несколько месяцев в Париже, завязал немало знакомств и приобрел некоторую известность как незаурядный, блестяще образованный человек и подающий большие надежды писатель. Однажды из письма сестры новый парижанин, живший случайными заработками, узнал о внезапной кончине отца и о том, что стал обладателем значительного состояния. Посетив банк Ж. Лаффита, имевшего соответствующие сведения из петербургского филиала и потому готового открыть россиянину неограниченный кредит, Лунин решает вернуться на родину, дабы вступить в права наследства и продолжить революционную деятельность. Лидия Роже устроила прощальный прием; здесь произошла встреча М. С. Лунина и Анри де Сен-Симона.

Еще до встречи у баронессы Сен-Симон познакомился с Луниным, расспрашивал о нем Лидию Роже. Он усиленно искал в то время способных помощников и деятельных адептов. В гостиной мадам Роже Сен-Симон излагал перед Луниным свое учение, говорил о своих достижениях и надеждах. Будущее человечества, горячо утверждал он, зависит от развития чувств, науки и индустрии. Когда успехи в каждой из этих областей станут всеобщим достижением, на земле воцарится новая жизнь. Слепое предание относит «золотой век» к прошлому, на деле он не позади, а впереди нас. Придет время, грезил Сен-Симон, и снова поднимутся великаны, но они будут сильны не телом, а духом; придет время, и машины начнут работать вместо людей. Великий утопист предостерегал собеседника от увлечения политикой. В традиционном смысле слова политика, полагал он, — тормоз прогресса, негодное средство достижения корыстных целей, источник заблуждений, неизбежное зло, бессмысленное занятие. Единственная цель, достойная подлинной политики, — всемерное развитие индустрии. Только в этом и нуждаются народы.

Предстоящий отъезд Лунина огорчил Сен-Симона. Он рассчитывал использовать его для распространения своих идей в России, полагая, что там есть для этого необходимые условия. Лунин предложил для этих целей переписку. Сен-Симон не исключал подоб-

ной возможности, но заявил, что лишь беседы позволяют договориться до полного взаимопонимания.

О парижской встрече Сен-Симона и Лунина рассказал И. Оже в воспоминаниях, составленных им и изданных журналом «Русский архив» через 60 лет после описываемых событий⁵. С тех пор историки в своих трудах о прошлом общественной мысли России и Франции так или иначе описывали этот важный эпизод⁶. Некоторые из них призывали к проверке приводимых сведений, указывая на почтенный возраст мемуариста (в 1877 г. ему было 80 лет) и на подозрительную точность описания происходившей некогда беседы⁷. Работая над книгой о Луине, советский исследователь Н. Я. Эйдельман обнаружил в архиве подлинник «Записок» И. Оже и незаданное «Предисловие» к ним⁸. В этом введении сказано, что И. Оже пользовался своими старыми дневниковыми записями и материалами, которые он начал собирать с 1847 г. с тем, чтобы «они могли бы когда-нибудь помочь» его «воспоминаниям о России»⁹. Данное свидетельство укрепляет уверенность в правдивости рассказа Оже о Луине и Сен-Симоне, но не избавляет от необходимости дальнейшей проверки и уточнения сообщаемых им данных.

Незадолго до встречи в гостиной баронессы Роже Сен-Симон познакомился с Луниным. «Где и через кого, — отметил И. Оже, — не знаю»¹⁰. По нашему мнению, знакомство состоялось благодаря Ж. Лаффиту. Именно этот финансист пригласил неожиданно разбогатевшего россиянина в свой банк и предложил пользоваться неограниченным кредитом¹¹. В конце 1816 — начале 1817 г. прочные деловые и идейно-политические интересы связывали Лаффита и Сен-Симона. Вот что писал анонимный секретарь последнего в своей «Заметке о Сен-Симоне и его учении»: «Наступил 1816 год. Среди тех, кого называли тогда партией *либералов*, Сен-Симон знал нескольких видных деятелей, взгляды которых были очень близки его собственным. Он заявил, что берется публиковать каждый месяц особый сборник в 300—400 страниц, составленный из статей об искусствах и науках, выражающих эти взгляды, если либералы, подписавшись на данное издание, предоставят ему ежемесячный кредит в 10 тыс. франков. После завершения сделки Сен-Симон занял удобную квартиру в особняке на улице Старой Комедии, дом № 18.

⁵ Из записок Ипполита Оже. С неизданного французского подлинника: Жизнь с Луниным в Париже. — Русский архив, 1877, № 5, с. 55—68.

⁶ См., например: *Семевский В.* Сен-симонисты и фурьеристы в России в царствование императора Николая I. — В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914, т. 4, ч. II, с. 341; *Орлик О. В.* Россия и французская революция 1830 года. М., 1968, с. 24; *Маллинин В. А.* История русского утопического социализма. М., 1977, с. 45—46; *Manuel F. E.* The New World of Henri Saint-Simon. Cambridge (Mass.), 1956, p. 190—191.

⁷ См., например: *Ожунь С. В.* Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962, с. 31.

⁸ Они хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в фонде Вяземских («Остафьевский архив»). — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5486. См.: *Эйдельман Н. Я.* Лунин. М., 1970, с. 34.

⁹ *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч., с. 34—35.

¹⁰ Русский архив, 1877, № 5, с. 65.

¹¹ *Завалишин Д. И.* Декабрист М. С. Лунин. — Исторический вестник, 1880, т. 1, с. 143—144.

Именно в то время он пригласил меня стать его секретарем. Я познакомился с ним в 1814 г., как и с господином Огюстеном Тьерри, его приемным сыном... иногда я работал для них. Я занял должность, которую он мне предложил.

Господин Сен-Симон выбрал уже к тому времени сотрудников. Каждый четверг он собирал у себя за столом их и еще нескольких друзей. Здесь обсуждались вопросы, которые предполагалось осветить в очередном томе ежемесячника...». Далее в «Заметке» упоминаются некоторые участники этих встреч и затем говорится: «Что касается подписчиков, финансировавших это предприятие, то я не могу назвать их имен. Я никогда не знал, кто они, и уверен лишь в том, что к Лаффиту ходил все месяцы получать обусловленные соглашением 10 тыс. франков...»¹². Итак, не исключено, что именно Лаффит познакомил Лунина и Сен-Симона, искавшего тогда способных сотрудников и состоятельных покровителей. Быть может, эта гипотеза получит когда-нибудь документальное подтверждение. Данный пример показывает, что, повествуя о встрече Лунина и Сен-Симона, историк обязан привлекать не только «Записки» Оже, но и другие источники, в частности материалы об их общих знакомых.

В «Записках» есть несколько неточностей. Сен-Симон говорил, сообщает Оже, что «ему удалось дать хорошее направление многим способным личностям: он назвал Огюстена Тьерри как замечательного историка, потом Огюста Конта, философа, которому он предрекал огромное значение»¹³. Сен-Симон не мог говорить Лунину ничего подобного относительно Конта. В конце 1816 — начале 1817 г. О. Конт еще никак не проявил себя как философ. Сен-Симон познакомился с ним только в августе 1817 г.¹⁴, к тому времени Лунин уже жил в России¹⁵.

Оже писал также: «Лунин вел тревожно-деятельную жизнь... Я подозревал, что он вошел в сношения с вождями какой-нибудь партии...»¹⁶. Это возможно. Однако следующее замечание мемуариста должно быть отвергнуто. «Десять лет спустя Бюше, один из главных деятелей движения карбонариев, сказал мне, что в их совещании участвовал какой-то русский; я думаю это был Лунин»¹⁷. Все-таки это был какой-то другой русский. Бюше говорил Оже о заседании «Общества друзей истины», возникшем в 1818 г.¹⁸ Лунин, живший в то время в России, не мог участвовать в его

деятельности. Отметим еще раз: воспоминания И. Оже — важный и достоверный источник, но он требует сопоставления с иными материалами, в том числе из французских архивов. Такие сопоставления обогащают наши знания о встрече Сен-Симона с представителем первого поколения русских революционеров, декабристом Луниным.

Трудно сказать, сыграла ли она сколько-нибудь существенную роль в жизни самого М. С. Лунина и в движении декабристов. Видимых следов влияния сенсимонистских идей в их сочинениях и бумагах нам обнаружить не удалось. Однако почти невозможно представить, чтобы о встрече со знаменитым французским «графом-фантазером» Лунином не рассказал своим друзьям и знакомым. Так, есть основания предполагать, что он поведал о ней А. С. Пушкину¹⁹. Значение подобных доверительных бесед выявилось позднее, к 30—40-м годам XIX в. — времени увлечения в России сенсимонизмом, о чем много писали и современники и историки русской общественной мысли²⁰.

Разумеется, этому увлечению способствовали не только рассказы соотечественников, побывавших за границей и так или иначе прикоснувшихся к сенсимонизму, но и то обстоятельство, что к началу 30-х годов были опубликованы первое Собрание сочинений Сен-Симона и труды его учеников, что небольшая поначалу группа сенсимонистов выросла в общественно-политическое и идейное течение, ставшее, особенно в 1825—1832 гг., заметным явлением в жизни Франции и обратившее на себя внимание философов и общественных деятелей других стран²¹. Россия не составляла в этом смысле исключения.

Сенсимонистские издания быстро находили путь к русскому читателю. Установлено, что в библиотеке А. С. Пушкина²² были первая часть «Изложения учения Сен-Симона», в публикации которого главную роль сыграл А. Базар²³, сборник выступлений А. Трансона²⁴ и роман Жозефины Лебассю «Сенсимонистка»²⁵. По мнению Л. Гроссмана, знакомство великого русского поэта с сочинениями сенсимонистов было одним из источников формирова-

¹² «Notice sur Saint-Simon et sa doctrine et sur quelques ouvrages qui en seraient le développement par son ancien secrétaire.— Bibliothèque historique de la ville de Paris. D. m. CP 3704. Ср.: *Pereire A.* Autour de Saint-Simon. P., 1912, p. 173—203.

¹³ Русский архив, 1877, № 5, с. 65.

¹⁴ См.: *Кучеренко Г. С.* Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975, с. 274.

¹⁵ См., например, *Гессен С. Я., Коган М. С.* Декабрист Лунин и его время. Л., 1926, с. 57; *Ожунь С. Б.* Указ. соч., с. 135.

¹⁶ Русский архив, 1877, № 5, с. 62, 64.

¹⁷ Там же, с. 64.

¹⁸ *Вейль Ж.* История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. М., 1906, с. 13—14.

¹⁹ См.: *Гроссман Л.* Указ. соч.

²⁰ См., например: *Семевский В.* Указ. соч.; *Володин А. И.* Начало социалистической мысли в России. М., 1966; *Он же.* Герель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973; *Орлик О. В.* Россия и французская революция 1830 года; *Она же.* Передовая Россия и революционная Франция. М., 1973; *Малинин В. А.* Указ. соч.; *Нечкина М. В.* Встреча двух поколений. М., 1980; *Рудницкая Е. Л.* Огарев в русском революционном движении. М., 1969; *Козьмин В. П.* Из истории революционной мысли в России.— Избранные труды. М., 1961; и др.

²¹ *Кучеренко Г. С.* Сен-симонизм... с. 89.

²² См.: *Гроссман Л.* Указ. соч., с. 158.

²³ *Doctrines de Saint-Simon. Première année, 1829.* Bruxelles, 1831. Ср.: *Кучеренко Г. С.* Сен-симонизм... с. 98—105.

²⁴ *De la religion saint-simonienne: Aux élèves de l'École polytechnique. Cinq discours.* La Religion, Dieu, l'humanité, l'héritage, appel... Bruxelles, 1831. См.: *Walch J.* Op. cit., p. 87.

²⁵ *Lebassu (Mme).* La Saint-simonienne. S. L., 1833. См.: *Walch J.* Op. cit., p. 94.

ния его представлений о высоком социальном предназначении литературы и искусства²⁶.

К началу 30-х годов относится первый отзыв о сенсимонизме П. Я. Чаадаева. 18 сентября 1831 г. он писал А. С. Пушкину: «...смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени. Быть может, на первых порах это будет нечто подобное той политической религии, которую в настоящее время проповедует Сен-Симон в Париже²⁷, или тому католицизму нового рода, который несколько смелых священников пытаются поставить на место прежнего освященного временем. Почему бы и не так. Не все ли равно, так или иначе будет пущено в ход движение, имеющее завершить судьбы рода человеческого»²⁸. Видимо, уже в 1832 г. П. Я. Чаадаев располагал первым изданием трудов Сен-Симона и мог судить о его учении, основываясь на текстах, а не на их толкованиях в работах сенсимонистов²⁹. Данная публикация содержала также надежные сведения о жизненном пути знаменитого французского мыслителя. В относящемся к 1833 г. письме П. А. Вяземского А. И. Тургеневу говорилось, что Чаадаев «в Москве, кажется, сенсимонствует»³⁰. Значение этого факта в творческой биографии «московского мудреца» и в истории русской общественной мысли отмечалось советскими исследователями³¹. В. А. Малинин убедительно показал, что размышления Чаадаева о социальной справедливости и смысле истории, о христианстве и западном социализме, размышления, порожденные прежде всего противоречиями российской действительности, связаны вместе с тем, особенно в 30-х годах, с его глубоким интересом к творчеству Сен-Симона и его продолжателей. Он также подчеркнул, что «Чаадаев в той или иной мере способствовал идейному становлению таких видных... представителей русского критически-утопического социализма, как А. И. Герцен, В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, И. Н. Сазонов»³². Так, косвенно, сенсимонизм оказывается причастен к истории русского утопического социализма.

В истории общественной мысли России 30-х годов XIX в. «сенсимонство» П. Я. Чаадаева не уникальный пример; сенсимонизм и русский утопический социализм связаны не только опосредованными, но и прямыми идейными узами. «У меня,— писал Н. П. Огарев,— живо сохранилось в памяти впечатление, которое производили на наше юношество тридцатых годов школа сенсимонистов, ее

преследования и разрушение»³³. Еще более выразительны и определены знаменитые слова А. И. Герцена: «Новый мир толкался в дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно оставался в существенном»³⁴.

Об отношении Герцена и Огарева к западноевропейскому утопическому социализму, в том числе сенсимонизму, писали многие советские ученые³⁵. Отсылая читателя к специальным исследованиям, отметим лишь, что, кроме двух корифеев, идеями Сен-Симона и его учеников увлекались в 30-е годы И. Н. Сазонов, В. П. Боткин³⁶, Н. М. Сатин³⁷, братья Тургеневы, профессор В. С. Порошин, читавший в Петербургском университете курс политэкономии и статистики, и другие видные деятели русской общественной мысли, а также радикально настроенные студенты и иные лица³⁸.

О широком распространении сенсимонизма в России тех лет косвенно свидетельствует тот факт, что новую доктрину, ее создателя и последователей стремилась в 1832 г. опорочить такая реакционная газета, как «Северная пчела», а два года спустя такие журналы, как «Библиотека для чтения» и «Телескоп». Со 2 января по 13 сентября 1832 г. в отделе «Заграничные новости» в ряду важнейших сообщений о Франции (сведения о жизни политических и общественных деятелей, восстании в Лионе и других городах, о преследовании «Общества друзей народа», эпидемии холеры, волнениях 5—6 июня в Париже и каре против их участников и т. д.) петербургская ежедневная газета напечатала 15 заметок о сенсимонистах. Первая из них сообщала, что французский военный министр предписал генералам внимательно наблюдать «за происками членов секты сенсимонистов, которые вздумали бы преклонить на свою сторону военнослужащих, лучшим предостережением полагает он изложение, как смешно их учение, и доказательство, что начальники секты руководствуются одним своим корыстием»³⁹.

13 сентября «Северная пчела» перепечатала в переводе на русский язык отчет о процессе над сенсимонистами, помещенный 29 августа в «Журниль де деба»⁴⁰. Во всех материалах редактор российской столичной газеты Ф. Б. Булгарин стремился создать впечатление о большом размахе сенсимонистского движения и, как

²⁶ Гроссман Л. Указ. соч., с. 160.

²⁷ Данное место свидетельствует о высокой оценке сенсимонистских идей и одновременно о недостаточности четких представлений относительно биографии Сен-Симона и деятельности его продолжателей: письмо написано 18 сентября 1831 г.— в то время Сен-Симон не мог ничего проповедовать: он скончался 19 мая 1825 г.

²⁸ Чаадаев П. Я. Сочинения и письма: В 2-х т. М., 1914, т. 2, с. 180.

²⁹ См.: Малинин В. А. Указ. соч., с. 63.

³⁰ Остафьевский архив. СПб., 1899, т. 3, с. 236.

³¹ См., например: Филиппов Л. А. Религиозная утопия П. Я. Чаадаева.— История СССР, 1961, № 6; Малинин В. А. Указ. соч., с. 62—75.

³² Малинин В. А. Указ. соч., с. 65.

³³ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения: В 2-х т. М., 1952, т. 1, с. 720.

³⁴ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти т. М., 1956, т. 8, с. 161—162.

³⁵ Библиографию их работ см.: Орлик О. В. Передовая Россия..., с. 185—186.

³⁶ Минаева Н. В. Московские друзья А. И. Герцена: И. Н. Сазонов и В. П. Боткин как представители общественного движения 30-х—50-х годов XIX в.— В кн.: Некоторые вопросы истории Москвы и Московской губернии в XIX—XX вв.— Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1964.

³⁷ Воронин И. Л. Друг Герцена и Огарева — Н. М. Сатин.— В кн.: Литературные деятели и литературные места Мордовии. Саранск, 1951.

³⁸ См.: Орлик О. В. Передовая Россия..., с. 178—180, 182—187. Ср. также: Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958.

³⁹ Северная пчела, 1832, № 1, 2 янв.

⁴⁰ Там же, № 212, 13 сент.

бы следуя циркуляру военного министра Франции, выставить на показ смешные стороны учения сенсимонистов, «отыскать» любой ценой нравственные изъяны их главных руководителей. Однако важно отметить не только реакционно-охранительную окраску этих материалов, но и то обстоятельство, что они сообщали читателю немало подлинных сведений и любопытных подробностей.

Из заметок «Северной пчелы» следовало, что основателем движения сенсимонистов был «Сен-Симон, гордившийся своим знатным происхождением, которое он доводил даже до Карла Великого. В Североамериканскую войну он служил с отличием, но впоследствии, кажется, тщеславие вскружило ему голову... Желая обогатиться, он купил национальные поместья, но упадок ассигнаций совершенно расстроил его дела; он издавал многие политические сочинения, которые, однако, доставили ему очень мало выгоды; в отчаянии хотел он лишиться себя жизни, но и сие не удалось; во время последовавшей за сим болезни он усовершенствовал свое учение. После смерти его ученики имели собрания, многих завлекли в свою секту и в особенности распространяли свое учение посредством журнала „Глобус“... Из найденной у Шевалье переписки оказывается, что агенты их, находившиеся во Франции и в земле золота — Англии, мало занимались распространением учения, а более обращали внимание на собиранье денежных сумм и завлечение в свою секту людей богатых и склонных к чувственности»⁴¹.

Высшими наставниками сенсимонистов, писала газета, были П. Анфантен, А. Базар, О. Родриг, Ш. Дюверье, Э. Барро; почти все они выпускники Политехнической школы. Один из главарей секты, Базар, «требовал, чтобы его освободили от службы в Национальной гвардии, уравнивая с духовными лицами признанных вероисповеданий». Суд отверг подобное домогательство, так как «гражданин не имеет права отречься от законных обязанностей, объявляя себя служителем веры, им самим созданной»⁴². В январе 1832 г. правительство распорядилось «преследовать судебным порядком... сенсимонистов»⁴³, которые в течение 15 месяцев публично проповедовали свое учение, «издавали книжки, купили издание газеты „Глобус“, завели переписку с департаментами и чужими краями... произносили речи в нанимаемых ими залах»⁴⁴.

В начавшихся действиях против секты иногда, кроме усиленных нарядов полиции, жандармерии и Национальной гвардии, участвовали армейские подразделения пехоты и конницы⁴⁵. Во время следствия и судебных заседаний сенсимонистов обвиняли в «плутовстве и посягательстве на собственность», в намерении «умышленно ниспровергнуть правительство», покушении на «общественную нрав-

ственность»⁴⁶ и в том, что они «собирались в числе более двадцати человек без предварительного разрешения для толкования о политике и вере»⁴⁷. Случалось, полиция арестовывала людей, произносящих речи «в пользу учения сенсимонистов»⁴⁸. «Северная пчела» осмеивала их шутовские одеяния и обряды, возмущалась диковинными теориями и непотребными действиями, оскорбляющими «святость супружества» и «сеющими разврат в женщинах»; болгаринская газета утверждала, что народ часто преследовал этих сектантов «хохотом и свистом»⁴⁹.

Издатели «Библиотеки для чтения» и «Телескопа» действовали в 1834 г. более основательно, но не менее злобно, чем Фаддей Булгарин. Ополчаясь против «новой французской словесности», О. Н. Сенковский писал, что она «вторая Французская революция в священной ограде нравственности, затеянная со всею легкомысленностью и проводимая со всем неистовством и остервенением, свойственными народу, который произвел и обожал Марата, Робеспьера и Сен-Жюста»⁵⁰. Эта словесность происходит от «философии Просвещения», того «умственного недуга, который за сорок лет перед сим усеял Францию политическими развалинами и трупами». Вместе с тем, начертая на своих знаменах требования об «освобождении женщин, возрождении мужского пола посредством женщин, идеальном совершенстве общества и разделе собственности», «французская словесность» начала XIX в. предстает как «новый философский филин, воскресший из праха сенсимонизма» и влекущий «умы прямо к постыдному кораблекрушению»⁵¹. Все в этом отрывке, его смысл и стиль, включая замену в застывшем выражении слов «феникс» на «филин», а «пепел» на «прах», выдает недобрый нрав автора и дышит ненавистью к революциям и учениям, посягающим на священные устои эксплуататорского общества. В то же время статья «Брамбеус и юная словесность» убеждает, что О. Н. Сенковский был знаком с сенсимонизмом, отметил его выдающуюся роль в духовной жизни первой половины XIX в. и связь с идейным наследием века Просвещения и Великой французской революции.

Брамбеус безоговорочно отвергал сенсимонизм, изо всех сил чернил его, обвинял в безнравственности, но не мог с ним не считаться. Видимо, его по-настоящему тревожило появление «нового философического филина» в заповедных рощах не только французской, но и русской литературы. «Словесность,— поучал и заклинал О. Н. Сенковский,— философия публики... Первая обязанность [ее] скреплять всеми мерами общественные и семейные узы, успокаивать умы, внушать доверие к собственным силам и к святости нашей

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, 4, 7 янв.

⁴³ Там же, № 6, 9 янв.

⁴⁴ Там же, № 24, 30 янв.; № 212, 13 сент.

⁴⁵ Там же, № 156, 9 июля; № 159, 13 июля; № 163, 18 июля; № 203, 1 сент.; № 206, 6 сент.; № 208/209, 9 сент.

⁴⁶ Там же, № 165, 20 июля.

⁴⁷ Там же, № 25, 1 февр.

⁴⁸ Там же, № 194, 23 авг.

⁴⁹ Там же, № 203, 2 сент.; № 206, 6 сент.; № 212, 13 сент.

⁵⁰ [Сенковский О. Н.]. Брамбеус и юная Словесность.— Библиотека для чтения, 1834, т. 3, отд. 1, с. 39.

⁵¹ Там же, с. 39, 40, 41.

природы, не помогать политическому бреду в преступном намерении расторгнуть все звенья цепи, уже прорванной во многих местах, но еще запирающей честь и достояние мирных граждан от задуманного хищничества... Не суйте вашей дерзкой и мятежнической философии в Романы, Повести, Сказки — в произведения словесности, потому что всякая словесность, если не желает заслужить имя разрушительницы, должна уважать все полезное — будь оно и полезный предрассудок»⁵².

Эта статья послужила поводом для выступления Н. И. Надеждина. Издатель «Телескопа» полагал, что кризис, переживаемый французской словесностью, — это символ внутреннего расстройств всего общественного организма Франции, которая представляет собой не что иное, как «труп», приводимый в движение только гальванизмом мятежей и кровопролитий. В этой стране нет больше «никаких твердых и неизблемых идей, никакой веры в прочность и бессмертие, никаких привязанностей к прошедшему и надежд на будущее, никакой религии — ни нравственной, ни политической»⁵³.

Кризис французской словесности восходит, по мнению Надеждина, к творчеству Ж. де Сталь и Р. Шагобриана, а не к наследию Просвещения и революции, как утверждал Сенковский. Литература в революционную эпоху «отличалась постоянно, заметил Н. И. Надеждин, какой-то искусственной притворной скромностью. Самые безнравственные мысли, самые соблазнительные сцены прикрывались в ней всегда розовой дымкой приличия»⁵⁴.

Что касается «юной французской словесности», то ее «губит не безумство покойного Конвента, а деньги, проклятые деньги». Ее создатели не бешеные изуверы, а жадные спекулянты, торгующие своими строками: ее произведения не плоды «ужасной бесчеловечной философии», а карты с загнутыми углами в виде пароли»⁵⁵.

По мнению Надеждина, проклятия, обрушиваемые Брамбеусом на эту словесность, лишь изощренное средство тайно пустить ее «на святую Русь к соблазну всего крещенного мира» и «надежно скрыть усилия подражать ей»⁵⁶.

Отдаляя «юную французскую словесность» от Просвещения, революции и «ужасной бесчеловечной философии», утверждая зависимость ее изъянов от пороков французского общества, Н. И. Надеждин считал, что «изучение произведений сей школы, даже самых чудовищных... может быть весьма полезно». Они рисуют ужасные картины действительности, «но этот ужас спасителен: это ужас, внушаемый тем, чего нужно ужасаться! он душит, но не соблазняет»⁵⁷. Что же способны внушить подобные штудии? «Франции, — писал Надеждин, — суждено быть высоким уроком для всего

мира. На ее трупе, силою гальванических потрясений производятся ужасные, но поучительные опыты, коими разрешаются окончательно и удовлетворительно важнейшие задачи нашей разумно-нравственной природы, задачи общественного устройства и благоденствия... Сии задачи, беспрестанно запутываемые игрою страстей и обстоятельств, подавали повод к образованию различных политических утопий, начиная с Платоновой Республики до современных бредней сен-симонизма, где решение этих вопросов основывалось либо на мечтах разгоряченной фантазии, либо на софизмах перемудрившего ума. Прошедшее столетие отличалось особенно страстью к сим идеальным призракам, кои, не быв поверены приложением к действительности, ожесточали людей против существующего порядка вещей, маня искупительными химерами несбыточного совершенства»⁵⁸.

Мудрствования французских просветителей, революция, ниспровергшая все, что создавалось веками, дабы «дать место новому быту», оказались бессильными в схватке с действительностью, которая в силу «своей естественной упругости» возвращается на «вечные законные формы» и в «своих могучих объятьях» обращает в ничто обманчивое великолепие прекраснотных мечтаний. «Тогда повторяется во всем ужасе истины древний знаменательный миф о Титанах, погребаящихся под развалинами гор, взгроможденных собственными их руками»⁵⁹. Пламя революции «задохнулось под железную пятой Наполеона. Разгоряченные умы надолго оцепенели». Однако Бонапарта сменили Бурбоны, и во Франции, «едва успевшей отдохнуть и собраться с новыми силами под умиротворительной сенью Реставрации, возникла мысль, что неудачи первого ее опыта были следствием крайности всегда пагубной... И вот настала июльская революция, из-под баррикад которой возникло знаменитое *juste milieu*. Но лионские восстания «ниспровергли и сию последнюю мечту политического фанатизма»⁶⁰.

Итак, опыт Франции, духовный и политический, столетней давности и «последних трех лет», сводится, по мнению Н. И. Надеждина, к тому, что любые грезы и умствования о социальном совершенстве, в том числе «бредни сенсимонизма», любые попытки общественных преобразований и даже революции, будь они «крайние» или «умеренные», не могут изменить «вечные законные формы» действительности и лишь порождают тщетные усилия, бесполезные жертвы, трагические ужасы междуусобий. «Мир, — внушал издатель „Телескопа“, — великая школа взаимного обучения для общего для всех совершенства; и счастливы люди, счастливы народы, как, вразумляясь окружающими их примерами, избавляются от печальной необходимости искупать мудрость ценою собственных заблуждений»⁶¹.

Из статьи Н. И. Надеждина следовало, что сенсимонизм, как и все другие «политические утопии», — пустая и вредная мечта

⁵² Там же, с. 51, 60.

⁵³ Надеждин Н. И. Здравый смысл и барон Брамбеус. — Телескоп: Журнал современного просвещения, 1834, т. XXI, с. 151, 154.

⁵⁴ Там же, с. 157, 160—161, 170, 250—251.

⁵⁵ Там же, с. 168—169.

⁵⁶ Там же, с. 174, 248, 250—251, 267.

⁵⁷ Там же, с. 165, 319.

⁵⁸ Там же, с. 319.

⁵⁹ Там же, с. 319—321.

⁶⁰ Там же, с. 321—323.

⁶¹ Там же, с. 324—325.

неумных опасных фантазеров. Этот профессорский антисенсимонизм отличался и от примитивных наскоков Булгарина, и от вычурных проклятий Сенковского. Заметки «Северной пчелы» — вопреки чаяниям составителя — будили скорее не возмущение, а любопытство читателя, желание больше узнать о Сен-Симоне и его продолжателях. Грозные речи «Библиотеки для чтения» могли внушить страх перед «новым философическим филином, воскресшим из праха сенсимонизма», но одновременно соблазнить поближе увидеть это ужасное чудовище. Назидания «Телескопа» не способны породить любознательность, их единственный удел — сеять ужас перед «различными политическими утопиями, начиная с Платоновой Республики до современных бредней сен-симонизма».

Все три выступления, свидетельствуя о широком распространении в России 30-х годов идей Сен-Симона и его последователей, соответствовали отношению к «новому учению» царского правительства. Вспоминая о годах ареста и первой ссылки (1834—1839), Герцен писал, что «за сочувствие сенсимонизму отсидел пять лет»⁶². Необходимости решительно воспрепятствовать росту влияния сенсимонизма в России отвечал циркуляр российского министерства иностранных дел от 2 мая 1834 г. послу в Париже Поццоди Борго: «Иностранцам Барро и Марешалю, принадлежащим к секте сенсимонистов и намеревающимся прибыть в Одессу, воспрещен по высочайшему повелению въезд в пределы России... Сие запрещение распространено и на другие лица, принадлежащие к означенной секте». Сенсимонисты приравнивались в циркуляре к русским бунтовщикам, «удалившимся во Францию». В интересах государства российского послу строжайше предписывалось не допускать никаких нарушений отправленного ему повеления⁶³.

Однако ни правительственные запреты, ни злобные выступления журналистов не погасили в России интереса к Сен-Симону. В 40-е годы он не пользовался, как прежде, исключительным вниманием русского общества, уступив первенство Шарлю Фурье. В те же годы передовые мыслители России увлекались Оуэном, Прудоном, Леру, Луи Бланом, Кабе, Дезами, Вейтлингом и другими представителями западноевропейского утопического социализма и коммунизма⁶⁴. Сенсимонизм тем не менее продолжал занимать видное место в истории общественной мысли России.

«В начале 1840 года из V класса С.-Петербургской гимназии, — вспоминал Е. И. Ламанский, — я поступил в Императорский лицей... Среди лицейстов того времени была сильно развита страсть к чтению... Особенно увлекалась тогдашняя молодежь политическою экономией и развившимися на Западе социальными учениями сен-

симонистов, с жадностью поглощавшая произведения братьев Перейр, Мишеля Шевалье и др. Но моя логическая голова удерживала меня от чрезмерного восхищения возвышенными, но оторванными от жизненной действительности теориями. В своих взглядах я оставался на почве строгой политической экономии, основанной на признании свободной борьбы разных потребностей и элементов, а не на насилии, будь то насилие единоличное или толпы»⁶⁵. Значение этого свидетельства не следует преувеличивать. В нем речь идет о внимании учеников Императорского лицея 40-х годов не к трудам Сен-Симона, Базара или Анфантена, а к сочинениям, характеризующим позитивистскую тенденцию в сенсимонистском движении. В работах братьев Перейр и особенно М. Шевалье развивались технократические идеи о плановом экономическом прогрессе в условиях капитализма, о возможности с помощью банков ввести на земле новый строй, о решающей роли руководителей индустрии в грядущем обществе⁶⁶. Подобные идеи не мешали, а помогали «оставаться на почве строгой политической экономии» и имели весьма отдаленное отношение к истории западноевропейского и русского утопического социализма.

Воспоминания Е. И. Ламанского интересны как неоспоримое доказательство притягательности для русской молодежи 40-х годов сочинений, так или иначе связанных с именем Сен-Симона, и неясности для нее понятий «сенсимонизм» и «сенсимонисты».

Для выяснения судьбы идей Сен-Симона в истории русского утопического социализма 40-х годов первостепенное значение имеет вопрос об отношении к ним петрашевцев. О внимании М. В. Петрашевского и его соратников к сенсимонизму позволяют судить такие известные свидетельства, как «Список запрещенным книгам, взятым у чиновника [В. А.] Головинского»⁶⁷, показания А. П. Беклемишева⁶⁸ и К. Ч. Тимковского⁶⁹, а также воспоминания А. И. Герцена о молодом Ф. М. Достоевском⁷⁰ и П. П. Семенова-Тяньшан-

⁶⁵ Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского. — Русская старина. 1915, т. 161, с. 73, 75.

⁶⁶ См.: Кучеренко Г. С. Сен-симонизм... с. 125—128; Левин П. И. Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917, т. 1, с. 61—62.

⁶⁷ В нем содержится второе (1832) издание «Политической экономии и политической» П. Анфантена (не разрезана), третье издание (1831) «Изложения учения Сен-Симона», второе издание (1841) «Сочинения Сен-Симона» (не разрезана). См.: Дело петрашевцев, М.; Л., 1951, т. 3, с. 215; Петрашевцы. М.; Л., 1928, т. 3, с. 370—371.

⁶⁸ «В системе Сен-Симона, но не учеников его, которых учение, мне кажется, вреднее коммунизма, я нашел справедливую мысль, а именно, что период труда военного прошел и что теперь наступает период труда мирного» (Дело петрашевцев. М.; Л., 1941, т. 2, с. 369—371).

⁶⁹ «Социализм разделяется на множество систем. Есть система Луи Блана, система Сен-Симона, Роберта Овена, Кабе, Прудона, коммунистов и другие» (Там же, с. 408).

⁷⁰ «Достоевский, — свидетельствовал Герцен, — настаивал на том, что все эти теории [западного утопического социализма] не имеют для нас никакого значения, что в общине, в артели и круговой поруке давно уже существуют основы более прочные и нормальные, чем все мечтания Сен-Симона и его

⁶² Герцен А. И. Собрание сочинений. М., 1957, т. 12, с. 77.

⁶³ Цит. по: Орлик О. В. Передовая Россия..., с. 166.

⁶⁴ См., например: Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 209; Лейкина-Сивирская В. Р. Утопический социализм петрашевцев. — В кн.: История социалистических учений. М., 1964; Зильберфарб И. И. Социальная философия Шарля Фурье. М., 1964, с. 330—382; Орлик О. В. Передовая Россия..., с. 191—226.

ского о Н. А. Спешневе⁷¹. Интересен в этом отношении и «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка». А. И. Герцен писал о нем: «Петрашевский с жадностью ухватился за случай распространить свои идеи и при помощи книги, на вид совершенно незначительной; он расширил весь ее план, прибавив к обычным существительным имена собственные, ввел своей властью в русский язык такие иностранные слова, которых до тех пор никто не употреблял,— все это для того, чтобы под разными заголовками изложить основания социалистических учений, перечислить главные статьи конституции, предложенной первым французским учредительным собранием, сделать ядовитую критику современного состояния России и указать заглавия сочинений таких писателей, как Сен-Симон, Фурье, Гольбах, Кабе, Блан и др.»⁷²

Составители предполагали выпустить несколько томов столь необычного справочника, но в течение 1845—1846 гг. напечатать успели лишь два: издание было запрещено и прервалось статьей «Орден мальтийский». Первый том написан главным образом В. Н. Майковым, второй — М. В. Петрашевским⁷³. Отсылки в статьях второго тома «Карманного словаря иностранных слов»⁷⁴ свидетельствуют, что в последующих выпусках М. В. Петрашевский намеревался поместить статьи «Сен-симонизм» и «Сен-симонисты»⁷⁵. Замысел этот не осуществился. М. В. Петрашевский ссылается в своем словаре на следующее издание: «Exposition de la doctrine de St-Simon par M. Bazard et Enfanten. Paris, 1 v., in-8»⁷⁶. В описании много неточностей: книга иначе называлась, впервые напечатана в августе 1830 г. и до 1877 г. выходила анонимно⁷⁷. Однако упоминание Базара и Анфантена как ее авторов и некоторые статьи словаря доказывают, что М. В. Петрашевский не только видел и знал «Изложение учения Сен-Симона», но и основательно изучил одно из его изданий⁷⁸. Столь же явных следов его знакомства с трудами самого Сен-Симона во втором томе словаря нет, хотя имя его и называется⁷⁹.

Об отношении М. В. Петрашевского к сенсимонизму некоторые представления дают статьи «Новаторство» и «Органическая эпоха».

школы» (Петрашевцы в воспоминаниях современников. М.; Л., 1926, с. 16—17).

⁷¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что Спешнев «увлекался не только произведениями Жорж Занд и Беранже, философскими учениями Огюста Канта, но социалистическими теориями Сен-Симона, Фурье и Оуэна» (Там же, с. 49).

⁷² Петрашевцы в воспоминаниях современников. с. 88.

⁷³ Второй том перепечатан в кн.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953, с. 123—364. (Далее: Произведения петрашевцев).

⁷⁴ Мы не касаемся первого тома, так как не можем пока определить степень участия в его составлении М. В. Петрашевского.

⁷⁵ Произведения петрашевцев, с. 336, 339.

⁷⁶ Там же, с. 339.

⁷⁷ Doctrine de Saint-Simon: Exposition. Première année, 1828—1829. P., 1830; см. также: Кучеренко Г. С. Сен-симонизм..., с. 100.

⁷⁸ Не исключено, что он пользовался брюссельской публикацией 1831 г., упомянутой в описи книг В. А. Головинского.

⁷⁹ Произведения петрашевцев, с. 248, 341.

«Примером смелого новаторства в быте общественном могут служить,— утверждал словарь,— системы Овена, Сен-Симона, Фурье, где аналитическая мысль, с большей или меньшей точностью пройдя по всем составам общественного организма, пыталась вычислить все, даже сколько биений в секунду потребно правительству для правильности и нормальности его отправлений»⁸⁰. Таким образом, новаторство как общий признак трех систем М. В. Петрашевский усматривал в том, что их создатели пытались анализировать состояние и функционирование социального организма и вычислить вслед за тем истинные потребности общества и необходимые действия правительства. Нет нужды подчеркивать, что подмечена одна из важнейших особенностей критически-утопического социализма и коммунизма XIX в.

В отличие от утопически-коммунистических представлений XVI—XVIII вв. доктрины Сен-Симона, Фурье и Оуэна, обогатившись опытом капиталистического развития, социальной, политической и идеологической борьбы, достижениями науки, стали основываться не на метафизических рассуждениях о разумности, целесообразности, справедливости нового общественного строя, а на изучении новой исторической действительности средствами точных наук. Великие социалисты-утописты хотели создать новую общественную науку и обосновать с ее помощью неизбежность перехода к обществу будущего⁸¹. Именно на эту черту их творчества и обратил внимание М. В. Петрашевский.

В статье «Органическая эпоха» данное свойство критически-утопического социализма рассматривается на примере сенсимонизма. «Со времени появления и распространения сенсимонизма,— сказано в статье,— это выражение сделалось техническим, вышло из сочинений, собственно имеющих целью выяснение этой преобразовательной системы быта общественного, и получило право гражданства в литературе не эфемерной, а более серьезной, чем газетные объявления о новых магазинах и товарах. Это выражение находится в тесной связи с воззрением сенсимонистов на мир»⁸². Далее на основании «Изложения учения Сен-Симона» кратко пересказывается концепция об органических и критических эпохах истории человечества⁸³. Пересказ сопровождается двумя важными критическими замечаниями М. В. Петрашевского.

Он считал, что для описания периода истории, именуемого сенсимонистами «органическая эпоха», лучше подходит термин «эпоха органического развития»⁸⁴. Еще более существенно второе замечание: «Вторую критическую эпоху они считают начавшуюся с пробуждением разума в Европе: от начала реформы Лютера и последо-

⁸⁰ Там же, с. 248.

⁸¹ Об особенностях этого направления общественной мысли первой половины XIX в. см., например: Кучеренко Г. С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии. XIV—первая половина XIX в. М., 1981, с. 31—32.

⁸² Произведения петрашевцев, с. 336.

⁸³ Произведения петрашевцев, с. 336—341. Ср.: Кучеренко Г. С. Сен-симонизм..., с. 143—148.

⁸⁴ Произведения петрашевцев, с. 338.

вавшего затем упадка католицизма. Эта эпоха обнимает три века и простирается до Сен-Симона, которого учение (по мнению сенсимонистов) положило начало *новой органической эпохе*, задача которой состоит в *уничтожении антагонизма частных интересов, в установлении полного общения человечества, без отношения к различным народностям, и в признании глагола любви, завещанного спасителем, общим законодательным началом для всех междучеловеческих отношений*⁸⁵. В статье „Сен-симонизм“ показана недостаточность этой формулы со стороны практической⁸⁶. Итак, М. В. Петрашевский не согласен, что учение Сен-Симона положило начало новой органической эпохи, и указывает на недостаточность сенсимонистской «формулы» относительно общества будущего. Можно лишь сожалеть, что упоминаемая им статья «Сен-симонизм» не появилась в печати.

Данные о распространении сенсимонизма в России в 30–40-е годы XIX в. свидетельствуют о внимании к этому учению многих выдающихся деятелей культуры и общественного движения нашей страны. 30-е годы — время увлечения передовой молодежи новой социальной доктриной, время судебных расправ над «русскими сенсимонистами» и царских циркуляров за границу, призванных воспрепятствовать распространению сенсимонистских идей, время выступлений против «нового учения» некоторых газет и журналов. В 40-е годы сенсимонизм уступает первенство фурьеризму. А. И. Герцен писал, что петрашевцев «судили как фурьеристов»⁸⁷. Получают известность концепции других представителей западноевропейского утопического социализма и коммунизма. Однако, как можно убедиться на примере тех же петрашевцев, и в эти годы интерес к учению Сен-Симона в России не утрачивается и, может быть, становится более углубленным.

Встреча с сенсимонизмом поколения передовых мыслителей и революционеров России 30–40-х годов была весьма существенной и плодотворной, послужив в той или иной мере заметной вехой их творческой биографии. Они воспринимали Сен-Симона и тех, кто действовал от его имени, как пророков грядущего социалистического общества, создателей аналитической социальной доктрины, ценили их историко-философское учение о смене эпох, в котором социализм выступал как «функция прошлого», т. е. как итог предшествующего развития, разделяли мнение о высоком предназначении литературы, искусства и социальных теорий, оспаривали их представление о сенсимонизме как религиозно-философской системе, заменяющей христианство и открывающей новую органическую эпоху в истории человечества, указывали на недостатки их представлений об обществе будущего, отвергали отдельные идеи, догматы и ритуалы сенсимонистов. С тех пор труды Сен-Симона и его

учеников становятся достоянием русской общественной мысли и все чаще привлекают внимание историков.

Как и во Франции, первые исторические работы о Сен-Симоне, сенсимонизме и сенсимонистах написаны в России в 50–60-е годы XIX в. Только через 40–50 лет, когда были открыты хранящиеся в библиотеке Арсенала сенсимонистские архивы, опыты французских и русских историков обрели признаки строгих академических изысканий. И в области историографии инициатива принадлежала представителям революционной России. Эту инициативу пытались перехватить реакционеры; некоторое время ею владели либеральные историки. Подобно свидетельствам 30–40-х годов, историографические работы последующих лет убеждают, что распространение и изучение сенсимонизма выступают в истории общественной мысли России XIX — начала XX в. не только общественно значимым фактом духовной жизни, но и объектом идеологической борьбы.

Девятая глава известного сочинения Н. Г. Чернышевского «Июльская монархия» называется «Процесс Менильмонтанского семейства»⁸⁸. С точки зрения историографической она примыкает к работе Ж. Юббара⁸⁹ и публикации Ш. Лемоннье⁹⁰, свидетельствует об отличном знании произведений Сен-Симона и документов сенсимонистского движения (труды главных деятелей, пресса), хотя и не отягчена внешними атрибутами исторического исследования: здесь нет ссылок на источники, упоминаний предшественников, сопоставлений точек зрения и т. д. Суждения Н. Г. Чернышевского о Сен-Симоне, истории и наследии связанной с его именем школы весьма интересны и поучительны.

«Первая теория об улучшении народного быта,— писал он,— известна под именем сенсимонизма, хотя сам Сен-Симон положил только общие, очень неопределенные основания ей, а школа людей, гордившихся названием его учеников, переработала и развила мысли учителя так, что придала им значение, какого они вовсе не имели у самого Сен-Симона»⁹¹. Этой теории присущи «энтузиазм и мечтательность». Сенсимонизм возник потому, что Французская революция «не исполнила всех надежд, не уничтожила бедности народа, она дала ему «политические права» и оставила «на произвол судьбы»⁹². В таких условиях «из самой свободы возникает монополия миллионеров... [и] пролетарий делается просто рукоятью машины». Сложившееся общество «не имело никаких твердых убеждений, оно только привыкло слышать, что все вздор, кроме личной денежной выгоды». «Это,— писал Н. Г. Чернышевский,— возмущало Сен-Симона. Он думал о необходимости совершенно переделать мир»⁹³. Ради создания теории общественного преобразования этот

⁸⁵ В данном месте М. В. Петрашевский ссылается на уже упомянутое нами издание «Изложения учения Сен-Симона».

⁸⁶ Произведения петрашевцев, с. 339.

⁸⁷ Герцен А. И. Собрание сочинений. М., 1960, т. 19, с. 193.

⁸⁸ Современник. 1860, № 1, с. 127—159.

⁸⁹ Hubbaré G. Saint-Simon, sa vie et ses travaux. P., 1857.

⁹⁰ Saint-Simon. Oeuvres choisies, précédées d'un essai sur sa doctrine. Bruxelles, 1859. Vol. 1—3.

⁹¹ Современник. 1860, № 1, с. 128.

⁹² Там же, с. 128—129.

⁹³ Там же, с. 130—131.

«герцог и богат», «человек необыкновенного ума и редкого благородства», пожертвовал всем. Он «преднамеренно, обдуманно и расчетливо разорился», дабы «изучить природу человека во всех ее проявлениях, от самых изысканных до самых грубых»⁹⁴.

Подавляющее большинство этих замечаний объективно отражает историческую правду, но некоторые из них несколько модернизируют и приукрашивают Сен-Симона, что позволяло автору «Июльской монархии» излагать собственные мысли о несовершенствах капиталистического общества и долге в отношении угнетенных и обездоленных.

Далее кратко излагаются мысли Сен-Симона об истории и ее законах, о «трудящихся и праздных», о тяготении общества к системе, «в которой будут господствовать трудящиеся»⁹⁵. Чтобы прийти к такому состоянию, оно «нуждается теперь в духовной власти, которая обнимала бы все потребности человека и вела бы людей к цели христианства, к улучшению судьбы многочисленного класса, действуя на чувства через артистов, на ум — через ученых, на материальные дела — через промышленных людей... Сен-Симон думал, что нашел систему этой власти и призван создать ее»⁹⁶. «Вся его теория, — замечает Н. Г. Чернышевский, — возникает из ошибочных представлений о роли, будто бы принадлежавшей католичеству, и о возможности держать ум людей под опекой авторитета»⁹⁷. Слабые стороны учения Сен-Симона очевидны каждому, основная же его идея «чиста и проста», благодаря сенсимонизму она оказала заметное влияние на развитие европейского общества⁹⁸.

Таким образом, глава о Сен-Симоне и сенсимонистах в исторической работе Н. Г. Чернышевского «Июльская монархия» освещает важное явление общественно-политической и идейной жизни Франции первой половины XIX в. и одновременно пропагандирует «чистые и простые» мысли о необходимости улучшить судьбу самого многочисленного и самого обездоленного класса общества. Тем же целям служил очерк Н. П. Огарева о Сен-Симоне, известный как четвертое письмо «Частных писем об общем вопросе»⁹⁹. О содержании этого очерка и его месте в творчестве Н. П. Огарева с достаточной полнотой говорится в монографии Е. Л. Рудницкой. Добавим только, что Н. П. Огарев был первым русским исследователем, использовавшим начальные тома Собрания сочинений Сен-Симона¹⁰⁰.

Н. Г. Чернышевского и Н. П. Огарева вдохновляла благородная мысль о необходимости всемерной пропаганды социалистических идей. У реакционного русского историка Д. Ф. Щеглова были иные

намерения. В его книге «История социальных систем» две большие главы посвящены Сен-Симону и сенсимонистам¹⁰¹. Подобно Л. Рейбо и А. Сюдру, российский бюститель «сложившихся веками» порядков (как здесь не вспомнить о статье Надеждина в «Телескопе») задался целью «изложить и оценить» социалистические проекты, «стремящиеся к коренной реформе общественных и преимущественно экономических отношений». При этом он пытался убедить читателя, что западные «экономические теории, направленные к исправлению несуществующих у нас недостатков», совершенно бесполезны для России, не имеют «ни материала, ни почвы», хотя по странной прихоти судьбы «нашли доступ в систему воззрений более или менее значительной части нашего общества»¹⁰².

«Социальные проекты» Сен-Симона, по мнению Д. Ф. Щеглова, появились потому, что Французская революция «не удовлетворила людей наиболее недовольных и мечтательных, которые думали, что она приведет за собою золотой век». В отличие от Бабефа он не принимал участия в споре партий и надеялся добиться успеха «не победою на площади, а постепенным распространением своих идей в сознании народа»¹⁰³. Это «предприятие не удалось», так как «в стремлениях Сен-Симона не было никакой последовательности и согласия». Обладая незаурядными способностями и непомерным честолюбием, он получил незначительную научную подготовку; стремился к славе, а не к исполнению долга, что «уменьшало в нем необходимое для каждого уважение к истине»; «вел самую неправильную жизнь»¹⁰⁴. «Как основателя новой религии и реформатора имевшего в виду лучшее устройство судьбы бедного класса, Сен-Симона сделали известным не столько его собственные литературные труды и... его собственная жизнь, как дела и жизнь его учеников... В разработке системы, в определенности и окончательности ее, равно как в характере частных положений их учения, наконец, в применении учения к жизни они далеко оставили за собой учителя»¹⁰⁵. Однако перед лицом жизни и сенсимонисты оказались несостоятельны; все их начинания провалились¹⁰⁶.

Таким образом, Д. Ф. Щеглов высказал о Сен-Симоне и его учениках немало несправедливых и обидных слов. Подобная «оценка» их наследия отвечала общему замыслу «Истории социальных учений» — принизить значение идей социализма и воспрепятствовать их распространению. Она противоречит даже тем конкретным, существенным самим по себе данным (сведения о жизни Сен-Симона и деятельности сенсимонистской школы, пространные отрывки из сочинений мэтра и его последователей, суждения о них некоторых современников и историков, библиографические указания и т. д.),

⁹⁴ Там же, с. 131.

⁹⁵ Там же, с. 131—132.

⁹⁶ Там же, с. 135—136.

⁹⁷ Там же, с. 136.

⁹⁸ Там же, с. 137.

⁹⁹ Впервые напечатано в «Колоколе» в 1866—1867 гг. См.: Огарев Н. П. Указ. соч., т. 2.

¹⁰⁰ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, P., 1865—1877. Vol. 1—47.

¹⁰¹ Щеглов Д. Ф. История социальных систем. СПб., 1870, т. 1. с. 275—364, 365—466.

¹⁰² Там же, с. VII—IX.

¹⁰³ Там же, с. 277.

¹⁰⁴ Там же, с. 336, 339, 342, 343.

¹⁰⁵ Там же, с. 344.

¹⁰⁶ Там же, с. 456.

которые сам Д. Ф. Щеглов извлек из напечатанных к 1870 г. источников и литературы. Охранительная концепция Д. Ф. Щеглова оказалась несостоятельной и в том смысле, что не помешала росту интереса историков к сенсимонизму.

В конце 70-х годов было завершено издание Собрания сочинений Сен-Симона и Анфантена в 47 томах. В 1894 г., согласно завещанию Анфантена, был открыт доступ к сенсимонистским архивам. Вслед затем появились капитальные исследования Ж. Вейля, С. Шарлети, А. Дальманя и И. И. Иванова¹⁰⁷. Именно эти авторы, более или менее склонные к либерализму, до сих пор выступают нередко высшими авторитетами во всех вопросах, относящихся к творчеству Сен-Симона и истории сенсимонистской школы. Ценность извлеченных ими из архивов материалов неоспорима. Однако их подход к такой сложной проблеме, как соотношение наследия Сен-Симона и его учеников в «сенсимонизме», вызывает возражения¹⁰⁸.

В названных трудах сенсимонизм утрачивает свойства социалистической доктрины и трактуется как некая вознесенная над историей и лишённая идеологического содержания система философских и социологических представлений Сен-Симона и его учеников. Подобно Д. Ф. Щеглову, Вейль, Шарлети и Дальманя превращают учеников в подлинных творцов сенсимонизма, а Сен-Симона в предшественника... собственного учения. В соответствии с этим почти немислимым парадоксом труды Сен-Симона характеризуются как набор мало согласующихся друг с другом, темных, едва намечившихся идей, которые имеют значение лишь в связи с творчеством сенсимонистов.

И. И. Иванов — ученик В. И. Герье, видный представитель русской либеральной школы исследований по всеобщей истории — стремился отделить «великую социальную философию» Сен-Симона от новаций сенсимонистов. Одни из них, подчеркивал историк, искажали мысли учителя, другие возводили на него хулу, третьи поклонялись ему как мессии. «Усиленно пользуясь именем учителя и созидая на этом имени здание, совершенно чуждое первоисточнику, — утверждал И. И. Иванов, — они пресекли дорогу к этому первоисточнику. Ненависть Конта и мессианство Анфантена, поощряемые Родригом, могли надолго и невозбранно утвердить легенду о Сен-Симоне и его учении на место истории»¹⁰⁹.

Современники, как правило, не отличали «анфантеновского фарса от личности и философии Сен-Симона, и Анфантен, изображаемый с шутовской погрешкой в руках, явился в глазах большинства подлинным представителем сенсимонистской школы». Только внимательное изучение сочинений самого Сен-Симона и его архива

могло бы развеять ложное представление. Однако ученики не позаботились о том, чтобы облегчить задачи исследователей. Все издания трудов Сен-Симона не дают истинной картины его творчества; последнее из них лишь средство возвеличить Анфантена и других отцов сенсимонизма в ущерб учителю. Что касается архива, переданного сенсимонистами в библиотеку Арсенала и названного «Фонд Анфантена», то содержащиеся в нем документы «относятся к истории анфантенизма, а не сенсимонизма»¹¹⁰.

Эти упреки излишне суровы и не во всем оправданы. Опубликованные произведения Сен-Симона дают достаточно целостное представление об идейном наследии великого французского мыслителя; без «фонда Анфантена» невозможно воссоздать подлинный облик Сен-Симона и определить его место в истории общественной мысли. Однако и в наши дни не существует научного издания сочинений Сен-Симона; и в наши дни не все еще сделано для выявления, описания и изучения его архива. Многие в этом отношении могли бы дать совместные усилия французских и советских исследователей-специалистов.

Стремясь отделить идеи Сен-Симона от взглядов его учеников, И. И. Иванов пользуется понятиями «сенсимонизм в его первоисточнике» и «сенсимонизм в дальнейших дополнениях». Последний может быть истинным, если логически развивает доктрину Сен-Симона, и ложным, если противоречит ей. Следовательно, отметим со своей стороны: в творчестве Анфантена, Базара, Бюше, Конта, Тьерри, промышленников и финансистов, деятелей Второй империи, всех сенсимонистов и других лиц, логически примыкающих к учению Сен-Симона, содержатся элементы истинного и ложного сенсимонизма. Концепция И. И. Иванова лишь инверсия схемы, предложенной Вейлем, Шарлети и Дальманем. У всех четырех историков сенсимонизм превращается в универсальную вневременную систему философских и социологических идей. В нем у французских историков Сен-Симон почти не виден, у И. И. Иванова же он вырастает до исполинских размеров. В одном случае творчество учеников характеризуется как «решающий вклад», в другом — как ересь.

Если знакомство деятелей культуры и общественного движения России с идеями Сен-Симона восходит к концу 1816 — началу 1817 г., то первые переводы его трудов появились сравнительно поздно — лишь в начале XX в. Для суждения о причинах такой задержки полезно вспомнить, что сочинения западных философов и реформаторов довольно широко переводились в России до восстания декабристов. Так, в конце XVIII в. появился перевод «Утопии» Мора¹¹¹, в начале XIX в. — некоторых сочинений Мабли. После 1825 г. подобные труды стали для русского читателя плодом запрещенным. Открытое их изложение и обсуждение, не говоря уже о публикации переводов, были делом весьма непростым. И тем не менее западные теории о коренных общественных преобразованиях,

¹⁰⁷ Weil G. Saint Simon et son oeuvre. P., 1894; *Idem*. L'école saint-simonienne. son histoire. son influence jusqu'à nos jours. P., 1896; Charléty S. Histoire de saint-simonisme P., 1895; D'Allemagne H. Les saint-simoniens, 1827—1837. P., 1930; Иванов Ив. Сен-Симон и сенсимонизм. М., 1901.

¹⁰⁸ См.: Кучеренко Г. С. Сен-симонизм... с. 65—85.

¹⁰⁹ Иванов Ив. Указ. соч., с. 406, 407—408, 630—632.

¹¹⁰ Там же. с. 401—406.

¹¹¹ См.: Валич Э. И. Н. М. Карамзин — первый русский рецензент «Утопии» Томаса Мора. — В кн.: История социалистических учений. М., 1977, с. 243—256.

в частности идеи Сен-Симона, получили в России, как мы могли убедиться, широкое распространение. Важную роль играло здесь, как нам кажется, то обстоятельство, что образованный русский человек, для которого знание иностранных языков, особенно французского, было одним из обязательных признаков этой образованности, мог читать произведения французских авторов в подлиннике. По мере ослабления цензурных ограничений и втягивания в революционный процесс все более и более широких масс населения возможности и потребности перевода в России иностранных книг «по социальному вопросу» неуклонно росли.

Сочинения Сен-Симона в русском переводе появились впервые в 1910 г. в серии «Родоначальники позитивизма», главным редактором которой был М. М. Ковалевский. Всего вышло пять выпусков этой серии¹¹². В первом были изданы отрывки из сочинений Э. Канта, А. П. Ж. Тюрго и Ж. Л. Даламбера, во втором — Сен-Симона («Катехизис промышленников», включая его «Третью тетрадь», написанную О. Контом), в третьем — Сен-Симона («Очерк науки о человеке». «О всеобщем тяготении». «О преобразовании европейского общества»), в четвертом и пятом — О. Конта.

В предисловии редактора к серии говорилось, что позитивизм — «первая попытка обнять в полной независимости от богословия всю сумму знаний... Творец „Энциклопедии“ еще далек от мысли, что наука о человеке и человеческих обществах должна войти в число наук положительных... Эта истина будет осознана только последующими мыслителями — не столько Кондорсе и Сен-Симоном, сколько Огюстом Контом». Далее М. М. Ковалевский писал: «Для всякого интересующегося развитием социологии появление на русском языке „Катехизиса промышленников“ должно быть признано... в высшей степени желательным, и я наперед приветствую его во втором выпуске издаваемого сборника „Родоначальники позитивизма“»¹¹³.

Так, Сен-Симона — социалиста у Герцена, Огарева, петрашевцев, Чернышевского и Щеглова, создателя вневременной, надклассовой системы философских и социологических идей у Иванова — Ковалевский превращает в одного из родоначальников позитивизма и основателей буржуазной социологии, не отличаясь в этом смысле от Ж. Дюма, Э. Дюркгейма и всех последующих неопозитивистских интерпретаторов наследия великого французского мыслителя¹¹⁴.

Отметим в заключение, что в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, в работах известного советского историка В. П. Волгина, его учеников и последователей Сен-Симон по праву назван великим социалистом-утопистом. Этой характеристике соответствуют суждения о нем многих выдающихся представителей общественной мысли России XIX в.

¹¹² См.: Родоначальники позитивизма. СПб., 1910—1913. Вып. 1—5.

¹¹³ Там же. вып. 1, с. III—IV, IX.

¹¹⁴ См.: Кучеренко Г. С. Сен-симонизм..., с. 8—16; Он же. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии, с. 6—7.